

Им предстоит опасный путь – из холодных вод скандинавских фьордов под лучи палящего египетского солнца

Викинг Альрик и его собратья – «ледовые пираты». Всю жизнь они занимаются тем, что перевозят огромные глыбы льда из вулкана Этны в Адриатику. Слава об Альрике и его команде мчится по свету быстрее, чем летящий по волнам драккар. О «ледовых пиратах» узнал венецианский дож, искавший тех, кто выполнит непростую задачу – доставит в Венецию мощи святого Марка, одного из четырех евангелистов. Храбрые викинги пускаются в рискованное приключение. Но то, что ожидает их в александрийской сокровищнице, опаснее всего, с чем они когда-либо сталкивались. Они даже не догадывались, с какой тайной связаны древние мощи святого...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4193-0

9 786171 241930

ДИРК ГУЗМАНН
ЛЕДОВЫЕ ПИРАТЫ

ДИРК ГУЗМАНН

ЛЕДОВЫЕ
ПИРАТЫ

ДИРК ГУЗМАНН

DIRK HUSEMANN

DIE
EISPIRATEN

ROMAN

ДИРК ГУЗМАНН

ЛЕДОВЫЕ ПИРАТЫ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.112.2
ББК 84(4Нем)
Г93

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Husemann D. Die Eispiraten : Roman / Dirk Husemann. —
Köln : Bastei Lübbe Taschenbuch, 2017. — 480 s.

Перевод с немецкого *Ивана Немичева*

Дизайнер обложки *Петр Вихорь*

ISBN 978-617-12-4193-0
ISBN 978-3-404-17541-3 (нем.)

- © Bastei Lübbe AG, Köln, 2017
- © DepositPhotos.com / kobiela.tomasz@gmail.com, обложка, 2017
- © Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

ПРОЛОГ

Снорхейм, март 794 г. от Р. Х.

Альрик с трудом пробирался по окровавленному снегу между скромными домиками Снорхейма. Начиналась ночь Торжества браслетов¹.

Раз в девять лет боги требовали девять голов самцов любого вида. На стенах домов со стороны улицы висели отрубленные головы козлов, кабанов и быков — домашних животных крестьян. Воины же и охотники поселения предпочитали жертву более опасную. Вон там, на безлистном вязе перед домом Альрика, болтаются на холодном ветру девять медвежьих голов. А его сосед и брат жены, Ситрик Шелковая Борода, убил девять волков. Домашний скот и дикие звери — все принесенные в жертву здесь были в равном положении: кровь и тех и других орошала пороги, на которые ступали люди, входившие в жилища и выходившие из них, разнося кровавое свидетельство древнего праздника по всему поселению. Все дома Снорхейма связаны теперь этой красной лентой. Один, жнец и мельник, мог быть доволен.

— Назначит ли меня наконец Суртур членом команды? — вполголоса проговорил Ситрик, идя рядом с Альриком, когда они уже приближались к цели на окраине поселка — Большому залу Суртура Черного, их предводителя и военачальника.

Альрик бросил взгляд на шурина. Тот выглядел маленьким тщедушным человечком, на всем облике которого явно сказался пережитый голод зимних месяцев. Свое прозвище Шелковая Борода получил по отличительной черте — редким тонким волоскам на подбородке. На щеках же борода и вовсе не собиралась пробиваться. Ситрик был хорошим охотником, это правда, но он вряд ли

¹ Браслеты в древнегерманских племенах широко использовались как украшения. Витой же браслет из серебра или золота был особой наградой, которой обычно удостоивался воин за проведение удачного рейда или победу в бою. Таким образом, витой браслет являлся воинским знаком отличия и свидетельством доблести. *(Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)*

когда-нибудь сможет поднять меч, не говоря уже о том, чтобы пытаться как следует орудовать им. Альрик даже не был уверен, выдержит ли Ситрик плавание на корабле «Висундур» в открытом море без вреда для себя. Но Ситрик был той же крови, что и Катла, жена Альрика, а как же можно любить свою жену и не уважать ее брата?

— Все может быть, — ответил Альрик. — Но ты же знаешь, что Суртур — любитель мальчиков. Может статься, ярл возьмет тебя не на один из своих кораблей, а в свой Зал, где ты должен будешь прислуживать ему.

Ситрик рассмеялся. Но в его смехе слышались нотки страха. «Ситрик, Ситрик, — с грустью подумал Альрик, — как же ты мечтаешь когда-нибудь напасть на поселение франков, если боишься даже своего ярла?»

— А это правда? — напряженным голосом спросил Ситрик. — То, что Суртур отбирает себе мальчиков из числа пленных, насилует их, а потом убивает?

Облака пара от его дыхания висели в воздухе вокруг губ.

— Смотри-ка, — указал Альрик на огромное строение, уходя от ответа, — зал ярла уже в праздничном освещении!

Вокруг стен из массивных бревен в снег были вкопаны деревянные столбы. На них горели факелы, окружая Большой зал светом, отдающим перезрелыми опавшими плодами.

— Ответь, Альрик! — не унимался Ситрик. — Суртур — насильник мальчиков, да? Потому-то у него до сих пор и нет потомства. Ведь он...

— Замолчи, дурак! — прошипел Альрик. — Если тебя кто-нибудь услышит, ты закончишь свои дни вон как те, видишь?

Он указал на ворота, перед которыми был вкопан столб. Летом Суртур приказывал привязывать к нему медведей и заставлял своих лучших воинов бороться с ними. На спине Альрика осталось больше следов от медвежьих когтей, чем волосков в его черной бороде.

Сегодня к столбу были привязаны люди — девять молодых рабов, мальчиков для утех ярла, надоевших ему. Они еще были живы и пытались бороться с холодом, тесно прижимаясь друг к другу. Скоро мороз одолеет их, и, прежде чем закончится праздник, они будут бессильно и неподвижно висеть на своих путах, моля богов о смерти. Однако смерть придет не от холода, а от рук Суртура: он отрубит им головы, дабы окропить кровью самцов рода челове-

ского землю перед своим Залом, как того требуют боги на Торжество браслетов.

Проходя мимо молодых людей и не отрывая от них глаз, Ситрик едва не остановился перед ледящим тело и душу зрелищем, однако Альрик резко подтолкнул его вперед, к широко распахнутым дверям Зала, и они вошли.

Внутри пылал костер высотой в человеческий рост — искры разлетались во все стороны. Это Локи, бог огня, раздавал тумачи своим детям. Ряды скамеек вдоль стен были заполнены до отказа. Среди прочих гостей Альрик узнал экипажи кораблей «Висундур», «Штормовая великанша», «Золотая грива» и «Разрушитель рифов».

Были здесь и незнакомые лица, выжидающе рассматривавшие Альрика, — люди из других поселений, с других кораблей. Их пригласил ярл, чтобы приумножить свою славу. Таков обычай: глава самого могущественного поселения делал подарки соседям, чтобы те чувствовали себя обязанными ему. Вина и мяса было достаточно, чтобы гарантировать мир между селеньями, а браслетов из бронзы и серебра — чтобы купить и руку с мечом, и кровь того, кто носит этот меч.

Однако все это выглядело лишь жалкой подачкой по сравнению с тем, что подарил ярл Альрику два дня назад: зубчатый шлем, золотой флаг, кольчугу и восемь лошадей в разукрашенной упряжи с искусно отделанными седлами. Этой ночью Суртур объявит, что же он потребует за свою щедрость. И Альрику перед двумястами парами глаз придется поклясться ему в преданности.

Зал принадлежал мужчинам. Так же как и все жертвы этой ночи были мужского пола. Во всем остальном тоже не было ничего, связанного с женским: воины голосили басом, воздух казался жирным от пота и вони кишечных газов, а танцоры выплясывали как козлы. Даже древесина, пошедшая на постройку этого Зала, принадлежала бы не к женскому, а к мужскому роду, если бы деревья имели пол.

— Альрик здесь! — крикнул кто-то, отправляя в рот огромный кусок жареного мяса.

Шум стих. Альрик надеялся, что ему удастся опьянить себя хмельным медом, прежде чем Суртур заставит его дать клятву вассала, однако ярл жил и действовал так же, как и орудовал своим боевым топором, — бил быстро и точно в цель.

Темноволосый и мрачный хозяин Большого зала восседал на своей скамье у дальней стены. Сухая кожа на лбу отсвечивала красным. Перед ним стоял единственный здесь стол, на котором лежал перевернутый серебряный кубок, и его содержимое разлилось по поверхности стола — хмельной мед стекал на пол, собираясь в лужу. По бокам Суртура расположились двое юношей, прижимаясь к шкурам на плечах своего господина, и один из них слизывал бараний жир с его губ.

Хозяин поднялся и уперся кулаками в столешницу.

— Альрик! — прогремел он. — Где ты был так долго?

Суртур всегда использовал свою способность заставить человека почувствовать себя неловко.

Альрик подал знак Ситрику — и тот, немедля отступив назад, смешался с другими гостями.

Альрик подошел к двум опорным столбам и встал между ними. Четырехгранные балки от пола до потолка были украшены резьбой по дереву — картинами из «Саги о Сигурде», истории, которая так нравилась Суртуру, что он даже пытался изображать из себя потомка Сигурда.

Опершись рукой о столб и ощутив под ладонью рельеф одного из эпизодов, Альрик словно прожил его: Сигурд, вышедший в море на своем корабле, изо всех сил пытался вытащить из воды пойманную им змею Мильгарду. Но чудовище с такой силой тянуло в глубину, что в конце концов не рыболовные снасти, а корпус корабля не выдержал — ноги Сигурда проломили днище.

— Я лишь позаботился о том, чтобы мой ярл находился в безопасности, когда он отмечает праздник, — спокойно ответил Альрик. — По-другому распределил охрану кораблей, вместо пьяных постовых перед поселком поставил трезвых и погасил факелы у сараев, чтобы напившемуся до беспамятства конюху не пришлось проснуться в аду из горящей соломы. Пусть лучше останется в живых и примет наказание от твоих рук. Извини, что опоздал!

Он вскинул руку, опирающуюся на столб, так, чтобы рукав спустился до самого плеча, обнажив предплечье, на котором засияли три витых браслета из золота и серебра. Подобно змеям, они обвились вокруг руки Альрика, умирив игру мышц. Но, конечно, под кожей по-прежнему пульсировала жизнь — да так, что исход этой схватки был отнюдь не предрешен: мускулы или металл — вассал или сюзерен?

Суртур лишь бегло взглянул на браслеты, которые сам подарил Альрику год назад, когда они вернулись из Линдисфарна. Тогда Альрик был назначен верховным кендтманном флота Суртура. Сегодня он должен был продвинуться еще на шаг вперед.

— Альрик! — выкрикнул ярл так, что с его губ слетели мед и слюна, и в Зале все стихло. — Я видел, как ты управлял кораблем, на котором уже не было паруса и команды. Я слышал, как ты пел под щитами, поднятыми перед воротами осажденного города. Я подсчитал, сколько врагов ты убил во время одной-единственной битвы. Ты — лучший из моих людей!

Альрик опустил голову.

— Но самый ли ты верный? — продолжил Суртур. — Если я дам тебе власть, будешь ли ты и дальше служить мне, или мы загрызем друг друга, как два волка-вожака одной и той же стаи?

Альрик почувствовал, что поклестясь Суртуру в верности в этот момент опасно, тот сразу заподозрит подвох.

— Молчишь... Значит, ты тоже разделяешь мои сомнения.

Ярл подошел к стене и выдернул из крепления один их боевых топоров. Дважды, словно готовясь воспользоваться им в бою, он рассек воздух мощными ударами.

— Но должен ли я поэтому лишиться такого кендтманна, как ты? Мои враги будут смеяться надо мной. Как и мои подданные. — Ярл выдержал паузу и объявил о своем решении: — Поэтому я отсылаю тебя отсюда. Ты знаешь империю Хорвика?

Еще бы Альрику ее не знать! Он сам завоевал эту империю от имени и во славу Суртура. Два года терзал ее, грабил, сжигал, пока у Хорвика не исчерпались силы для отражения очередной атаки. Когда Суртур величественно прошествовал в зал Хорвика, сапог Альрика уже прижимал поверженного старого князя к полу. Суртуру лишь оставалось дать правителю империи поцеловать тонкое лезвие своего боевого топора.

— Да, ты ее знаешь! — перевел Суртур мысли своего верховного кендтманна. — Я отдаю ее тебе. Но править ею ты будешь, руководствуясь моими указаниями и как мой вассал. Ты хочешь сделать это для меня, Альрик Страдалец?

Как хотелось Альрику отрицательно покачать головой, дать понять Суртуру, что его дом здесь, в Снорхейме, где живут его друзья, семья. Что он скорее согласен умереть презренной «соломенной

смертью»¹ в постели, чем покинуть свою родину. Но такой возможности не было.

— Клянусь десятью тысячами погибших в битве при Бравалле! Я буду твоим вассалом, — сказал он ледяным голосом. Его слова прозвучали безрассудно смело, а сам он дрожал, потому что знал, что последует за этим.

Гости в предвкушении возликовали, от нетерпения заерзав на скамейках и царапая ими пол. Суртур приблизился к Альрику. В правой руке он, словно играя, вертел рукоятку топора.

— Значит, ты заплатишь и цену за это? — спросил он голосом, не допускавшим возражений.

Альрик взглянул в глаза Черного Ярла. Они были еще не затуманены алкоголем и чрезмерным обжорством. Значит, Суртур сумеет нанести точный удар.

Не успел Альрик даже кивнуть, как ярл вонзил топор в столб, на который опирался его кендтманн. Тот не почувствовал боли: топор был острым, а удар — точным.

Но сдали колени, и через мгновение Альрик уже лежал на полу, у ног Суртура. Одного взгляда на руку было достаточно, чтобы понять, что потеряно два пальца. Что ж, могло быть и хуже, Суртур калечил своих подданных гораздо сильнее.

Со скамеек послышались смешки. Тут же кто-то поставил рядом с Альриком ведро со снегом, и он сунул туда свою руку. Холод погасил огонь, который обжег рану и начал уже распространяться по руке... Содержимое ведра быстро окрасилось в красный цвет.

Свободной рукой Альрик вытер нос — из него текла слизь. На ноги удалось встать лишь со второй попытки.

Суртур был мрачен, казалось, он вовсе не получил удовлетворения.

— Как я уже сказал — ты хороший воин, еще лучший кендтманн и умный стратег. И все равно — десять ли у тебя пальцев или только один, — я все равно тебе не доверяю.

Чего же еще хотел от него этот Черный? Альрик бросил взгляд на Ситрика: на бледном лице шурина резче обозначились морщины.

— Ты хочешь быть моим вассалом — ведь ты этого хочешь, ты сам только что признал! — а мне нужна надежность. Гарантия того,

¹ У викингов считалась позорной «соломенная смерть»: в своей постели, от старости или болезни. Только погибший в бою попадал в Вальхаллу — рай для доблестных воинов. (Примеч. пер.)

что ты не вступишь в союз с моими врагами, а будешь выполнять мои приказы и платить мне дань. Так что твои сыновья останутся у меня. — Последнюю фразу Суртур произнес, делая паузы между словами. — Ингвар и Бьор — так ведь их зовут? Они будут жить у меня и воспитываться как воины. А ты вдалеке отсюда будешь умножать мою славу и нести мое имя в дома моих врагов.

Сердце Альрика сжалось, и это было сильнее боли в руке. «Суртур! — раздалось где-то в глубине его существа. — Хитроумный бог Локи глупец по сравнению с тобой. — Он медленно вытащил пальцы из снега и уронил ведро на пол. — Если бы ты сказал мне это до того, как искалечил меня, я бы убил тебя не раздумывая. А теперь мне придется согласиться с тобой. По крайней мере, ты в это веришь».

Альрик опустил голову. Мысли смешались. Он никогда не отдаст Ингвара и Бьора насильнику мальчиков!

— Кендтманн, — требовал Суртур. — Скажи мне, что ты отдашь мне своих детей.

Зал накрыло тишиной, словно снегом, время остановилось.

Почувствовав, как из руки струится кровь, Альрик сдвинул один из браслетов потуже, чтобы пережать артерию. Сможет ли он удерживать меч в руке? Да еще против такого воина, как Суртур!

— Нет, — отрезал Альрик. — Моих сыновей ты не получишь.

— Я так и знал! — взревел Суртур, и своды Зала зазвенели. — Едва я освобождаю тебя от железного ошейника, как ты тут же хватаешь меня за горло. — Он бросил топор под ноги Альрику. В лезвии отражался огонь костра — казалось, оружие горит изнутри. — Значит, сегодня ночью один из нас переселится в Вальхаллу. Подними топор! Или я зарежу тебя, как свинью.

Альрик подумал о «Пожирателе трупов», своем лучшем мече, — тот остался дома, прислоненный к его кровати: носить оружие в доме ярла считалось святотатством. Но даже с привычным клинком в руке ему сейчас вряд ли удалось бы победить Суртура...

Он потянулся за топором и поднял его левой рукой. Эта рука привыкла держать щит и бить им врагов, но никогда не упражнялась в работе с оружием.

И тут кто-то бросился на Суртура и повалил его на пол. Ярл закричал. В клубке, в котором сплелись тела двух мужчин, мелькала желтая накидка Ситрика Шелковой Бороды.

— Беги, Альрик! — крикнул Ситрик, и чья-то рука с кинжалом мелькнула между телами борющихся. Раздался грохот падающих скамеек, гости вскочили на ноги, чтобы защитить своего вождя.

Оценив ситуацию, Альрик задушил в себе порыв броситься на помощь Ситрику: шурин был фактически без нескольких секунд мертв. Но Катлу и мальчиков он еще может спасти! Не дожидаясь, пока гости справятся с Ситриком и примутся за него, Альрик бросился прочь из Зала. Зажав искалеченную руку под мышкой, он пробежал мимо жертвенного столба, и на какой-то миг ему привиделась привязанной к нему вся его семья.

Холодный ночной воздух быстро прояснил сознание. В окрестностях поселка стояла полная тишина. За некоторыми ставнями еще виднелся свет, из-под дверей тянуло запахом горелого рыбьего жира, но никто не встретился одинокому беглецу на пути к дому. Когда Альрик по кровавому следу праздника на снегу подбежал уже к самой двери, он выдохнул с облегчением: за ней все было тихо. Суртур не догадался послать сюда своих воинов заранее.

Здоровой рукой Альрик толкнул дверь. Катла сидела на краю кровати и поправляла поленья в очаге. Мальчики спали, зарывшись в солому в своих деревянных ящиках, служивших кроватками. Какое-то время Альрик жадно впитывал в себя все, на что переводил взгляд. Пытаясь отдышаться, он понимал, что пройдет немало времени, пока у его семьи снова появится крыша над головой.

— Что случилось? — Катла вскочила с места и склонилась над рукой мужа, ее рыжие волосы коснулись его кожи, но он крепко держал ладонь под мышкой, не давая осмотреть.

— Дети... — с трудом произнес Альрик. Только сейчас он заметил, что горло было словно сдавлено. — Нам нужно немедленно исчезнуть.

Катла не стала задавать никаких вопросов. Она тут же схватила на руки Ингвара — мальчик был маленьким и легким — и стояла с ним уже в дверях. Альрик бросил прощальный взгляд на свой меч у стены: сейчас он мог рассчитывать только на одну руку, в которой надо было нести Бьора-крепыша, — Катла с трудом поднимала сына, даже когда тот был еще младенцем.

В следующее мгновение семья уже бежала в направлении пристани.

ЧАСТЬ I
ЛЕД ИЗ ОГНЯ

Январь 828 г. от Р. Х.

ГЛАВА 1

Ruves Altus¹, Palatium² дожа

В воздухе над лагуной повисло морозное дыхание января. Но руки дожа дрожали не только от холода, когда он вцепился ими в тяжелую шерстяную штору на окне, сквозь щелочку выглядывая наружу — на двор, на море лиц. С улицы тянуло несвежим воздухом.

— Что же будет, если они меня не примут? — Словно ища поддержки, он оглянулся в зал и вытер свой блестящий вспотевший лоб.

— Ничего не будет, Джустиниано, — сказал широкоплечий человек с бородкой, похожей на полоску, нанесенную птичьим пером. Выражение крайней озабоченности искажало черты его лица. — Выйдите, наконец, к ним! — повысил он голос. — Покажите себя народу, чтобы он мог подтвердить свой выбор! То же самое делали все ваши предшественники.

Остальные шесть трибунов, находившиеся в большом зале, окружили обоих знатных особ и кивали в подтверждение этих слов.

Однако высокий дождь не двигался с места. Дрожание его рук передавалось складкам шторы, тяжелая кожаная окантовка тряслась над мозаичным полом. Ропот толпы, доносившийся с улицы, становился все громче.

— Вы лжете, Бонус, — сказал дождь и судорожно сглотнул. — Все мои предшественники, все до одного, мертвы. Их ослепили, казнили или просто убили. Потому что народ их не любил. Разве не так?

Тот, к кому обращался дождь, фыркнул:

— Если эта правда облегчит для вас попытку выйти к своим поданным, пока еще не поздно, то пусть она восторжествует. И тогда с вами, Джустиниано, все будет по-иному.

¹ Группа островов в Венецианской лагуне, в VIII веке объединенная под названием *Ruves Altus* (лат. — Высокий берег), позже превратившаяся в Риво Альто — место возникновения Венеции и Венецианской республики под управлением дождей и трибунов.

² Дворец (лат.), резиденция венецианского дожа. (Примеч. пер.)

Не выдержав дальнейшего пребывания на задворках зала, Мательда протиснулась между собравшихся трибунов к своему отцу, особенно остерегаясь прикоснуться к пахнущему душистой водой Бонусу. Она всеми силами старалась сдержаться, чтобы не заключить отца в объятия и утешить: это немедленно разрушило бы авторитет дожа среди дворян и подавило его уверенность в себе.

— Твои предшественники были слабыми людьми, — умоляющим голосом обратилась Мательда к дожу. — Они думали лишь об одном — как обогатиться. Но ведь ты — Джустиниано Партечипацио! Ты сделаешь Риво Альто центром городов, расположенных вокруг лагуны, и покончишь со спором между франками и византийцами за нашу землю. Ты сможешь удовлетворить их запросы, и мы все станем свободными, и наши корабли будут привозить богатства из дальних стран в нашу лагуну. Выйди из дворца и скажи это своим подданным. И они полюбят тебя. Так же, как люблю тебя я.

Отец выпрямился.

— Из тебя, Мательда, вышел бы намного лучший дож, чем я. Намного лучший, — вздохнул Джустиниано. — Хорошо, я попытаюсь.

Одним движением он отодвинул штору и вышел на узкий балкон.

Толпа стихла. Взгляды сотен пар глаз устремились на дожа, рассматривая остроконечный *cornio*¹ на его голове, закутанную в желтый шелк художавую фигуру и синюю ленту с цветочным орнаментом, перекинутую через левое плечо.

А в эти глаза сверху вниз всматривался дож, не будучи уверенным наверняка, что верноподданные не станут его палачами.

— Руки! — прошептала Мательда из-за шторы.

Джустиниано поднял руки с открытыми ладонями — исконный жест полной покорности.

— Обратись к ним, — продолжала подсказывать Мательда. — Вспомни, что я только что тебе говорила.

Она хотела повторить эти слова, но не успела: кто-то схватил ее за рукав и оттащил прочь от балкона. Это был Бонус из Маламокко, он возымел наглость прикоснуться к ней! Мательда вскрикнула и пнула его ногой. Он отпустил ее.

— Тихо, девчонка! — напустился на нее Бонус. На его черной накидке блестели серебристые узоры вышивки — цвета семьи

¹ Головной убор венецианских дождей (*um.*). (Примеч. пер.)

Маламокко. — Как ты думаешь, что будет с твоим отцом, если чернь узнает, что государственные дела нашептывает дожу на ухо его собственная дочь?

— Если бы вы знали, что я думаю, трибун, вы лишились бы сна! — Мательда тщетно пыталась обойти Бонуса.

И тут ее отец начал свое обращение к толпе:

— Люди Риво Альго! — воскликнул он, и его голос задрожал. Мательда закрыла глаза, повторяя про себя слова, которые должны были последовать за этим: «Этот город станет центром островов лагуны. Византийцам, франкам и лангобардам недолго осталось повелевать вами...» Но на балконе было тихо. Что делал там ее отец?

Да, он всегда был робким человеком, но ведь он давно знал, что его ожидает этот момент — когда будет необходимо показаться перед народом. Много раз уже это традиционное для Венеции противостояние превращалось в вопрос жизни и смерти. Существовало правило: если народ хранил молчание, это означало, что он отклоняет своего дожа. Если же он ликовал, то новый глава города считался признанным. Триумф или поражение — это зависело от голосов солеваров, рыбаков, бондарей, каменотесов, золотых дел мастеров, ремесленников, изготовлявших колеса и телеги...

Когда с балкона, наконец, раздался голос Джустиниано, от его слов Мательда буквально оледенела.

— Что я могу сделать для вас, мои верноподданные? — спросил дож у людей, собравшихся во дворе. — Что бы это ни было, я позабочусь о том, чтобы вы это получили. Потому что я ваш новый дож, и вы должны любить меня.

В зале стихли все разговоры. Бонус из Маламокко смотрел на Мательду широко открытыми глазами. Двое из трибунов ринулись было к балконной двери, но тут же остановились, осознав, что для какого-либо вмешательства уже слишком поздно. Внизу, во дворе, сначала поднялся ропот, но затем предложение Джустиниано развязало толпе языки:

— Освободи нас от налогов! — выкрикнул кто-то.

— Вызволи Томазо из тюрьмы! — потребовал другой.

Еще кто-то попросил себе должность мастера-солеvara. Множество людей настаивало: немедленно сюда эфиопских рабынь и голову императора Византии! Особенного успеха в народе удостои-

лась идея одного шутника, чтобы каналы раз в месяц наполнялись вином. Многие под балконом уже покатывались со смеху.

Джустиниано, оглянувшись в поисках помощи, искал взглядом свою дочь.

Отец всегда напоминал ей птицу, гордую хищную птицу, владырку воздушных просторов. А сейчас он так съезжился, что превратился в ее глазах в воробышка с парализованными крыльями.

— Пропустите меня вперед! — Мательда сжала кулаки. — Пока они не утопили моего отца в лагуне.

Но Бонус уже ни на что не реагировал. Словно окаменев, он смотрел в сторону балкона — туда, где зарождалась очередная катастрофа венецианской политики.

Мательда уже не стала прятаться за шторой, она вышла на балкон и встала рядом с отцом. Из толпы раздался свист. Чей-то огрубевший от алкоголя голос высказал мнение, что новый дож, видимо, хочет подарить народу свою дочь.

— Что ты здесь делаешь? — не поворачиваясь к ней и стараясь не шевелить губами, спросил Джустиниано. — Неужели тебя покинул дух всех святых?

И тут лицо Мательды просветлело — святых! С элегантною девушки, которая могла родиться только в лагуне, она помахала рукой толпе и послала ей воздушный поцелуй. Затем, подавшись так далеко вперед, как только могла, опираясь грудью на перила, стала всячески приветствовать жителей своего родного города, что-то обещать, выкрикивать, выкрикивать...

— Перевезти сюда святого? Да вы с ума сошли! — Голос Бонуса достиг такой высокой ноты, что он кричал, как птица. — Уж легче доставить нубийских рабынь и заполнить каналы вином! — Его лицо побагровело, на лбу запульсировала жилка.

Подгоняемое страхом катастрофы собрание поспешно перешло в зал Большого совета, где стены были украшены флагами городов лагуны, а раскладные стулья из орехового дерева и конской кожи, казалось, только и ждали, чтобы угодить седалищам благородных дворян.

Однако волнение снова и снова подрывало трибунов с мест, заставляя нервно метаться по залу. Один лишь дож, словно окаменев, оставался на своем месте. Он сидел, подперев голову рукой.

Мательда стояла позади отца, положив руки на его плечи.

— Вы ошибаетесь, Бонус, — спокойным голосом произнесла она. — Я обещала венецам не какого-то там святого, а совершенно особенного.

— Святой Марк, — простонал трибун Фалери, глава одной из трех самых могущественных семей городов лагуны. — Почему, ради всех святых, это должен быть именно святой Марк?

— Потому что он спасет жизнь моему отцу, — так же спокойно объяснила Мательда.

Дождь коснулся руки дочери, и она замолчала.

— Как я уже всем вам говорил, — тяжело поднялся на ноги Джустиниано, — я не готов к тому, чтобы исполнять обязанности дожа. Для этого нужны такие государственные мужи, какими были римляне. А я — всего лишь венец. Лучше всего будет, если я отправлюсь в изгнание. По крайней мере, останусь в живых. Еще на какое-то время.

Некоторые из трибунов слушали его, потупив глаза. Бонус смотрел в окно.

Затянувшуюся паузу прервал Фалери:

— Это невозможно. Каждый из присутствующих здесь знает это.

— Ваш отец был дожем, теперь вы должны быть дожем, — поддержал Фалери Марчелло из династии Оро. — Только в том случае, если им будете вы, второй по очереди дож в роду, титул дожа наконец-то сможет стать наследственным.

— А следующим дожем потом станет один из ваших сыновей, — отмахнулся Джустиниано. — Тот, кто женится на моей дочери, а значит, и на титуле. И тем самым передаст его по наследству своей семье. Этому не будет конца...

В зале воцарилось тяжелое молчание. Со двора все еще доносились крики людей.

— Все-таки должен быть иной путь, — стоял на своем Бонус. — Другой святой, мощи которого мы действительно можем доставить сюда...

— Нет, Бонус, — покачал головой Фалери. — Вы ведь слышали, что кричал народ. Люди были в восторге от известия о том, что наши острова станут последним местом упокоения святого Марка. Вы же не хотите теперь выйти к ним и сказать, мол, вы, конечно, получите святого — мы же обещали! — но немножко не такого,

а другого? Мы вот сначала прикинем и разузнаем, на какого мученика сейчас скидка в цене.

— Это будет либо святой Марк, либо никто! — подключился теперь еще и Северо — старший в семье Градениго. Он вытащил из-за пояса украшенный драгоценными камнями кинжал и положил его на пол в центре зала — металл зазвенел. — Кто придерживается другого мнения, пусть подарит Джустиниано быструю смерть. Других вариантов у нас не остается.

Бонус толкнул дверь с такой силой, что затрещали створки, ударившись о стену. В комнате за столом сидел его брат-близнец, держа в руке черное перо. Пахло влажными чернилами. Бонус постоянно восхищался тем, насколько Рустико был похож на него. Осознание того, что ты фактически занимаешь два места в мире, несколько успокаивало его.

— Ну что, как все прошло? — спросил Рустико. — Судя по тебе, не так хорошо, как мы надеялись, да? — Он просушил перо от чернил песком, бросил его в отверстие посреди стола и облокотился на спинку кресла.

Бонус широкими шагами прошел по помещению мимо настенных ковров, украшенных разноцветными химерами с остроконечными языками. Обычно он восхищался роскошью, которой имел обыкновение окружать себя его брат. Сегодня же не бросил на ковры ни единого взгляда.

— Партечипацио признали дожем. Толпа ликовала, — устало объявил он.

— Что ж... — Рустико надул губы. — Но это не объясняет твоего возмущения.

Бонус потряс головой, как будто выбрасывая из сознания все происшедшее, а оно еще стояло у него перед глазами.

— Чуть было не сорвалось, — выдохнул он. — Этот дож — самый неподходящий для такой задачи человек, которого только можно было найти. Но он нам пригодится еще не раз. — Опершись обеими руками о стол, Бонус наклонился к брату. — Представь, его спасла собственная дочь.

Губы Рустико растянулись в кривой ухмылке:

— Та самая, на которой ты подумываешь жениться? Чем же она тебя так взбудоражила — неужели вызвала дьявола?

— Дьявола? О, если бы дьявола! Она пообещала народу мощи святого Марка! — Он ударил по поверхности стола ладонью. Чернильница Рустико опрокинулась, по рукописи растеклась черная лужа.

Наморщив лоб, Рустико безучастно наблюдал, как погибает его работа.

— Святой Марк, говоришь? Это разумно. У нее светлая голова. Но радости тебе она не принесет, хороший мой.

Бонус всем своим весом рухнул на деревянную скамью. Мебель со скрипом запротестовала, на что венет ответил трехэтажным ругательством, в котором особо выделялись лучшие места папы римского.

— Я не понимаю твоего волнения, — сказал Рустико и начал платком промокать маленькое чернильное море. — Партечипацио является дожем. Но мы же сами этого хотели. Теперь ты заставишь красавицу Мательду выйти за тебя замуж. Или... — Он оторвал глаза от своего занятия. — Или она уже ответила тебе отказом?

Бонус заставил себя проглотить ответ. Какое дело брату до того, насколько успешными были его ухаживания за Мательдой?! Пусть бы сам попробовал волочиться за ней.

— Ты, — наконец обвел он взглядом ковры, — ты ничего не понимаешь, брат мой. Вообще ничего.

Такое, чтобы он называл Рустико братом, случалось крайне редко. Сейчас не время для шуток — так следовало понимать этот жест.

Рустико поднялся, протиснулся между столом и стулом и сел рядом с Бонусом на скамейку. Доска прогнулась почти до пола и затрещала.

— Тогда объясни мне все, брат, — тихо, почти шепотом попросил Рустико.

— Как мы достанем эти мощи? — Бонус тяжело вздохнул и покачал головой. — Святой Марк! Как будто до нас было мало попыток заполучить его! Это невозможно, — резюмировал он, словно это математическая аксиома.

— Пожалуйста! — настаивал Рустико. — Давай по очереди.

— Для начала, — Бонус левой рукой отогнул один палец на правой руке, — реликвии святого Марка находятся в Александрии, в Египте. Эта страна уже не является частью Византии. Как ты знаешь, она захвачена сарацинами.

Рустико кивнул.

— Во-вторых, — еще один палец выпрямился на правом кулаке Бонуса, — то, что осталось от христианской общины в Александрии, принадлежит православной церкви. Копты вряд ли ни с того ни с сего подарят нам своего самого важного святого.

— Я на это и не рассчитывал. Его придется похитить.

— О, нет ничего проще! — Бонус отгибал палец за пальцем. — Незаметно зайти под парусами в порт Александрии. Прогуляться в церковь и, прихватив с собой труп, вернуться назад на корабль. Затем оторваться от преследователей, удрав на толстобрюхом корабле-дромоне¹. Смотри, у меня пальцев не хватает!

— И, видимо, головы тоже.

— Что-что? — Бонус подумал, что ослышался, но, зная брата, уже понимал, что тот скажет в следующий момент.

— А то, что ты сам решишь эту задачу, хороший мой. — Рустико покровительственно положил руку на затылок брата.

— Я? Но я ведь только трибун, а такое дело — задача для... для...

— Для человека, который станет дожем, — продолжил за него брат. — Подумай! Джустиниано должен доставить народу святого Марка. Иначе народ его свергнет — в своей оригинальной, но ставшей уже традицией манере.

Бонус скривил улыбку.

— Каждый из трибунов, — разъяснял Рустико, — хотел бы жениться на Мательде, не так ли? Либо женить на ней своего сына. Но чье предложение она вынуждена будет принять? Предложение того, кто спасет ее отца, форму правления дождей и, таким образом, весь наш жизненный уклад. — Он сделал значительную паузу и хлопнул брата по плечу. — Тебя!

— Тьфу ты! — Бонусу пришлось взять себя в руки, чтобы не плюнуть на ковер. — Да ты просто не имел возможности познакомиться с ней поближе, с этой змеей. Признаю, — кивнул он, — Мательда красавица. Но что мне с того, если арабы отрежут мне яйца и посадят на кол?

Рука Рустико с силой сжала плечо брата.

— Я никогда, слышишь, никогда не потребовал бы, чтобы ты сам отправился в пещеру арабского льва. Найди кого-нибудь, кто

¹ Здесь: Военный парусно-весельный корабль. Использовался в византийском флоте в V—XII вв.

выполнит эту задачу за тебя, — понизил он голос. — Когда реликвия попадет сюда, все, слышишь, все будут любить тебя. Или вынуждены будут любить тебя.

Хлопья снега, словно пух, опускались в сумерках на землю. На замерзшей воде большого канала уже лежал снег, испещренный следами сапог. Посредине мастера-солевары проделали фарватер, по которому последние рыбаки этого дня, неторопливо отталкиваясь шестью, направляли свои лодки домой.

«Все в этом городе такое медленное, — подумал Бонус, — даже корабли». Завернувшись в шубу из соболей, он стоял под арочными воротами портового склада, стараясь не попадать под освещение небольшого фонаря на улице. Никто не должен был видеть, как он плетет свою паутину.

— Извините, синьор. — Начальник порта Пьетро изучал расписанный мелом кусок дерева, на котором надсечек было больше, чем морщин на его лице. Это был список кораблей Риво Альто. — Самыми быстрыми кораблями, которые я внес в список за последние несколько месяцев, были те, чья команда очень торопилась выйти на берег.

Его изможденная фигура согнулась, словно в ожидании удара.

«Шутник! — пробормотал себе под нос Бонус. — Может, мне немало согреться, отделив этого простака кулаками...»

— Тогда придумай что-нибудь. — Он откашлялся. — Я важный человек в этом городе. «И следующий дож», — добавил он про себя. — Если ты сделаешь для меня одно дельце, то можешь стать управделами моей флотилии.

Глаза начальника порта расширились.

— А я ведь знаю вас! Вы Бонус из Маламокко.

Трибун невольно отшатнулся назад, в тень. Коль уж начальник порта узнал его, значит, он может рассказать об этой встрече и другим людям. А слухи, и это знал каждый ребенок в лагуне, растекались в Риво Альто быстрее воды в каналах.

— Я с удовольствием хотел бы помочь вам, синьор, — с жаром заговорил начальник порта, — но чем?

— Тем... — Бонус вздохнул и выдержал паузу. — Тем, что ты, к примеру, разыщешь быстрый корабль в сухом и теплом доке, пробудишь команду от зимней спячки и надаешь им пинков под их теплые задницы.

Начальник порта удивленно уставился на него. В его взгляде не было ничего, кроме пустоты. Этот парень, казалось, вмиг замерз — весь, вместе с разумом. Бонус вытащил две монеты из своего кошелька и бросил их на землю. И, прежде чем они прекратили свой металлический звон, наступил на них ногой. Собеседник впился взглядом в сапоги Бонуса и хриплым голосом произнес:

— Может быть, в Равенне...

Теперь наступила очередь Бонуса удивленно таращиться на собеседника. Ему и в голову не могла прийти мысль искать помощи в ненавистном ему городе на юге страны.

— Равенна, говоришь? А что там может быть такого, чего нет у нас?

— Я кое-что слышал о чужом корабле. Он возит туда лед.

— Лед, — словно эхо, повторил Бонус. — Но ведь везде полно льда. Ты знаешь, что это означает, — носить сов в Афины¹?

— А, так вам быстрый корабль нужен для этого? — наивно поинтересовался начальник порта и потер свои покрасневшие от мороза уши.

Бонус поморщился.

— Так что же такого в Равенне? — повторил он свой вопрос.

— Там есть благородные господа, так они без ума от каждой новой сладости из Аравии.

Бонус слышал об этом.

— Ты имеешь в виду сахарум? Поговаривают, что они делают сладкие блюда из него, а? Из дерьма сарацинов. Тьфу, черт!

— Вы правы, трибун Бонус. Но люди говорят еще, что для этой сладенькой вещицы нужно иметь лед в большом количестве. Лед,

¹ Устойчивое многозначное выражение. Сова как символ богини Афины чеканилась на афинских монетах. Таким образом, приносить в Афины сов — то же, что ехать в Тулу со своим самоваром. Другое значение поговорки приводит профессор В. К. Кун. Существует легенда, что в Афинах якобы развелось много мышей, борьбу с которыми вели совы. Однако у них появились конкуренты — кобры, разведение которых также не входило в планы афинян. Тогда горожане стали специально завозить в город сов, заметив, что те охотятся и на змей в борьбе за территорию пропитания. Со временем этих хищных птиц развелось столько, что бороться с ними стало невозможно, и это, по легенде, в конечном счете и привело к падению Афин. Таким образом, «носить сов в Афины» означает совершать диверсию с целью разрушить город.

который можно есть, а не эту замерзшую мочу. — Он указал рукой на каналы.

— И зачем для этой цели быстрый корабль? — размышлял вслух Бонус, пока начальник порта пытался оторвать взгляд от ноги трибуна, под которой таилось такое богатство. — Лед вроде бы доставляют из Сицилии, с Этны...

И тут Бонуса осенило: корабль, который доставляет лед до Равенны так быстро, что тот не успевает растаять, — да он летать должен!

— Ты знаешь, когда этот корабль снова будет в Равенне? — уже заинтересованно посмотрел он на чиновника, предоставившего такие нужные сведения.

Над головой начальника порта ветер со скрежетом раскачивал фонарь.

— Нет, синьор. Никто этого не знает. Он появляется внезапно, как туман. И так же быстро снова исчезает. У него голова дракона, а вместо паруса — крылья, а еще...

Бонус не стал слушать дальше эти сказки. Он быстро убрал ногу с монет, тем самым заставив начальника порта замолчать.

— Да будет так! — пробормотал Бонус, и, когда этот слабый перед блеском чеканного металла, наивный и нелепый человечек потянулся вниз за своей оплатой, вытащил из-за пояса кинжал, прицелился и вонзил ему клинок в затылок.

В темной воде канала плавал труп. За ним плыла какая-то доска. А от стен домов ночного города отбивали свое стаккато быстро удаляющиеся шаги.

ГЛАВА 2

Сицилия, вершина Этны

Этот кусок скалы двигался сам по себе. Он медленно полз по снегу. Так медленно, что его движение было бы невозможно заметить человеческим глазом, если бы он не оставлял за собой явно видимый след, продавливая его в снегу своей массой.

Альрик поднял руку, и шедшие за ним остановились.

— Почему ты встал? — спросил идущий рядом с отцом Ингвар и убрал с носа маленькую сосульку.

Альрик молча рассматривал склоны вулкана. Вершина Этны была окутана снегом. Из щелей среди камней выбивался пар — черный пар, с тревогой уточнил про себя Альрик.

— Если мы сейчас же не продолжим путь, то нам придется вкалывать до самой ночи, целовать мне тролля! — вспылил Ингвар.

— Только смотри, на этот раз начни с правильного конца, — усмехнулся Бьор.

Старший из сыновей Альрика стащил с головы капюшон. Ветер играл его длинными светлыми волосами, набрасывая их ему на глаза. Одной рукой крепкий норманн тащил за собой двое саней с прочными деревянными ящиками, такими большими, что даже сам мог бы улечься в них. Пока что ящики были пусты.

Альрик внимательно осмотрел ущелья и стены скал. Он знал все эти признаки, не в первый раз он отнимал у вулкана лед.

— Вон тот камень — он словно катится вверх. — Он указал на необычное явление.

— Может быть, это какое-нибудь животное? — вставил Бьор.

Ингвар фыркнул:

— Я убью его топором, и тогда мы точно узнаем, кто это.

— Нет. Это гора. Просто она трясется, — продолжил Альрик. — Мы можем это уловить глазами, только не можем почувствовать. Пока что. — Он стащил рукавицу с трехпалого правого запястья, опустил на колени в снег и с усилием прижал к нему ладонь. Быстро, пока ладонь от холода не утратила чувствительность, он

постарался прислушаться к ощущениям. Легкая дрожь. И звук, похожий на рычание собаки.

— Вулкан просыпается. У нас осталось мало времени. — Он встал и отряхнул снег с руки.

Немного погода все трое добрались до небольшого кратера на склоне горы. Сквозь мелкий щебень просачивался и поднимался пар. Охлаждаясь на воздухе сицилийской зимы, он снова опускался на камни. Так на горе нарастал слой льда.

— Вот здесь он хорош, — заметил Бьор и, не теряя времени, опрокинул одни сани. Несколько ломов со звоном скатились в снег. Ингвар раздал инструменты.

— Эх, — выдохнул Бьор, — надо было взять с собой нубийца и сарацина. — Облака пара вылетали у него изо рта.

— Чтобы их убило раскаленными камнями и они сгорели? — отозвался Ингвар.

— Тогда наконец на корабле наступил бы покой.

— И с кем бы ты по вечерам молча стоял на палубе, как ты это любишь? Смотреть в пустоту и громко портить воздух. — Альрик уперся острием лома в лед, проверил направление и удовлетворенно кивнул. Свободной рукой он отстегнул молоток от своего пояса и ударил по лому. Лед застонал.

Когда солнце нарисовало длинные тени на снегу, Альрик уже весь взмок от пота, а сыновья не проявляли никаких признаков усталости. В ящиках на санках лежали две огромные глыбы льда.

Бьор похлопал по ним и улыбнулся:

— Сразу два! Да за эти деньги мы, пожалуй, сможем купить пару новых весел для нашего «Висундура». А для наших собственных весел — пару девок, — добавил он мечтательно.

— Пока еще лед не в Равенне. — Альрик очистил ломы, закрепил их на санках и наконец стащил с запястий рукавицы. Руки распухли от сильного холода и болели. Увеличившись, как казалось, вдвое, они отливали пугающе-пунцовым цветом. С одного из пальцев сошел ноготь. Альрик выдернул его зубами и выплюнул в снег. — И с горы мы пока еще не спустились. — Он поискал взглядом блуждающий кусок скалы. — Смотрите!

Камень все еще «катился вверх». Однако сейчас его движение уже можно было разглядеть вполне отчетливо. Даже с такого расстояния.

В следующее мгновение Альрик уже лежал лицом вниз. Поднявшись на локте, он выплюнул снег и вытащил свои длинные седые волосы изо рта. Из внезапно обрушившейся на них горы снега появились лица Бьора и Ингвара, с их голов сыпался снег.

Первым на ноги поднялся Ингвар.

— Клянусь всеми великанами штормов и града, что это было? — воскликнул он.

Альрик тоже поднялся и стоял в тревожном ожидании следующего сотрясения горы. Однако ничего не случилось.

— Быстро садитесь на сани, мы немедленно исчезаем! — командовал он.

— На сани? Что ты придумал? — в один голос спросили ничего не понимающие сыновья.

И тут послышался резкий звук рвущегося полотна, затем раздался грохот где-то под ногами, в самой утробе вулкана, и наконец — взрыв! Что-то со свистом пролетело по воздуху и упало в снег на расстоянии в два человеческих роста от Альрика и сыновей.

— Собираетесь прогуляться пешком под камнепадом из вулкана? — Альрику пришлось кричать, потому что шум не прекращался.

Снова послышался какой-то свист.

— Но ледяные блоки! Мы их потеряем. — Бьор втянул голову в плечи.

— Лед слишком тяжелый, — запротестовал Ингвар. — Мы не сможем управлять санями.

Камень величиной с кулак упал рядом с ним, и взметнувшийся снег осыпал его худощавую фигуру. Ингвар отпрыгнул назад.

— Дорога ведет вниз. Нам достаточно этого направления. — Альрик схватил парней за капюшоны и потащил к саням. — Вперед!

Они подчинились не его силе, а его воле.

«Я все еще ваш командир, — сказал Альрик сам себе. — И ваш отец». Это осознание своей ответственности придавало ему сил и уверенности всегда, в самой опасной ситуации.

Пока Бьор вытаскивал тормозные палки, а Ингвар проверял крепление ледяных глыб, Альрик внимательно рассматривал склон у себя под ногами. На вершине Этны не было видно гребней и ущелий. На протяжении столетий вулкан выбрасывал свою лаву и заполнял неровности горячим камнем. Они вполне могут попытаться съехать вниз, до границы деревьев, не перевернувшись и не получив

по голове камнем. А с неба все чаще и чаще падали уже даже не камни, а целые куски скалы.

Вдруг их накрыло пронесшимся мимо черным облаком гари — Альрик едва не задохнулся. Он судорожно закашлялся. А когда дым рассеялся, перед ними открылся свободный вид вниз, до самого моря. Вон там их корабль — маленький, как снежинка, «Висундур», их драккар¹. Но сейчас там было что-то еще. Альрик прищурил глаза под седыми кустистыми бровями. К берегу, пока еще на глубокой воде, шло несколько кораблей. Он не смог рассмотреть цвета их парусов, но, кажется, это были дромоны.

— Там, внизу, нас ждут гости, — крикнул он и нагнулся, чтобы поднять на сани последние тормозные палки. Град мелких камней посыпался с неба на его плечи. — Давайте не испытывать их терпение!

Когда сани поддались силе тяжести, трое норманнов запрыгнули на полозья.

Бонус прислушивался к отдаленным взрывам. Впереди, словно флаги, развевались черные клубы дыма, поднимавшиеся вверх со склона Этны. Отсюда, с побережья, была видна только часть вулкана, и потока лавы он не заметил, а все-таки лучше бы им поскорее убраться отсюда. Страшные легенды, повествующие об этой горе, дошли и до Риво Альто. Проверять их достоверность в планы Бонуса не входило.

Помимо этой очевидной опасности, была и другая: Сицилия находилась в руках арабов. Если хозяева острова заметят чужой корабль, они устроят такое, что тоже будет очень похоже на извержение вулкана.

Под сапогами скрипел песок. Трибун с отвращением скривил лицо: это трение песчинок он терпеть не мог, оно причиняло ему почти физическую боль. Поэтому он старался двигаться как можно меньше, лишь со стороны наблюдая, как его люди захватывают диковинный корабль.

Тот раскачивался на волнах всего лишь на расстоянии 5 человеческих ростов от берега. Никогда раньше Бонус не видел ничего

¹ Буквально: корабль-дракон (*норв.*). Деревянный корабль викингов, длинный и узкий, с высоко поднятыми носом и кормой.

подобного, что бы плавало в море. У этого корабля не было глубокой осадки, борта возвышались над уровнем воды лишь на несколько футов. При сильном волнении он должен был бы набрать воды и пойти ко дну. Тем не менее это суденышко плавало в открытом море. Причем так быстро, что успевало доставить лед с Этны в Равенну, на побережье Адриатики, прежде чем тот растекался в лужу.

К нему поспешным шагом приближался Гисульф, капитан большого дромона Маламокко.

Сапоги Гисульфа так перемалывали песок, что Бонус закрипел зубами, но все-таки взял себя в руки и попытался сделать вид, что все в порядке.

— Кажется, что за этим не скрывается ни особое искусство, ни даже волшебство, господин, — сказал Гисульф. Он почесал свои щетинистые волосы и скривился. — Но что-то в этом корабле есть такое... такое, чего я никогда не встречал.

— Конечно есть, — процедил сквозь зубы Бонус. — Иначе зачем бы мне тащиться за ним до самой Сицилии и арестовывать его команду?

Он бросил взгляд на приблизительно двадцать фигур, стоявших в окружении его людей под прицелом направленных на них копий. Среди них был высокий человек экзотической наружности, затем карлик с длинной рыжей бородой, один темнокожий, араб и еще два лангобарда, которых можно было узнать по характерной одежде. Кроме этих, Бонусу показалось, что он слышит ругательства какого-то византийца, а еще один носил прическу на манер франкских дворян. Кто же собрал этот нелепый экипаж? Люди выглядели, как товар с корабля работорговцев.

Гисульф раздавил ногой краба в песке, и по спине Бонуса словно прокатилась волна ледяной воды.

— Твои люди смогут управиться с ним? — с трудом выдавил он.

— С кораблем-то? Похоже, он устроен довольно просто. Все-го лишь простой парус да куча весел. Мы можем сейчас же выходить в море.

Бонус облегченно вздохнул: корабль, который летел, словно ветер, был в его руках. Ничего больше не препятствовало похищению мощей святого из Александрии. И ничто не стояло на его пути к званию дожа городов вокруг лагуны. Мательда была всего лишь прекрасным дополнением. Пожалуй, он будет делиться ею со своим братом.

— А что делать с командой? — ждал приказа Гисульф.
 — Убейте их! — с удивлением выпалил Бонус. — Вас же больше.
 — У нас нет лучников, господин. А в бою один на один чужаки могут ранить некоторых из наших людей. — Он помедлил и тихо добавил: — Но это ваше решение, господин.

Бонус застонал.

— Убей их как-нибудь, — махнул он рукой. — Парой человек больше или меньше в наших рядах — это не важно. Только обеспечь мне, чтобы никто не повредил корабль, — поставил трибун главную задачу.

Стараясь не вызывать отвратительный скрип под ногами, Бонус осторожно пошел по песку к морю и наконец зашел в воду.

Когда он добрался до своего трофея, волны уже били его в живот. С любопытством вытянув шею, Бонус заглянул через борт внутрь драккара. Все выглядело, как и сказал Гисульф: не было видно никакого секретного привода — только скамейки для гребцов, весла, несколько бочек с провиантом да пожитки команды. Мачта, сделанная из толстого высокого дерева, располагалась в центре. Рядом с ней лежал свернутый парус из шерстяной ткани. Все сводилось к очень простому принципу: когда поднимался подходящий ветер, работали мачта с парусом, в безветренную погоду — команда на веслах. Все понятно. Непонятно было одно: сам принцип был известен еще римлянам — так в чем же секрет этой конструкции?

Погруженный в свои мысли, Бонус провел рукой по фальшборту. На пестро разрисованном дереве вырос целый слой зеленых водорослей, который теперь приклеился к его рукам. Вдруг что-то ударило его по голове. Трибун закачался и схватился за весло, чтобы не упасть в воду.

— Убери руки от моего корабля, ты, медуза! — прогремел чей-то голос за спиной.

Ощупывая свою голову, Бонус развернулся в сторону крика. Три человека поспешно приближались к берегу. Впереди бежал высокий мужчина, чья седая борода удлиняла его худощавое лицо. Под кустистыми бровями блестели глаза цвета горной воды, текущей по камням. За ним следовал парень еще большего роста, его светлые волосы свисали до плеч. Короткая борода обрамляла полные губы. Третий был меньше ростом по сравнению со своими спутниками, его голову украшали черные волосы, заплетенные в короткие косы.

Мужчина с косами? Кто были эти люди? Почему их лица черны от сажи? Бонус буквально пролаял приказ, и пятеро из его копыеносцев встали на пути троих чужаков.

Для того, что случилось потом, у Бонуса могло быть лишь одно объяснение: безумие. Безумие, должно быть, затмило разум этих людей. Не обращая ни малейшего внимания на копыя, седобородый мужчина кинулся на венецких воинов. Другой же, с косичками, стал бросать камни в охрану, одной рукой прижимая грудь бульжников к животу. Вероятно, он заранее набрал их.

Теперь Бонус понял, что попало ему в голову. Но его людям пришлось еще хуже. Они согнулись под градом камней величиной с кулак и не могли выпрямиться какое-то время, которого хватило, чтобы седовласый человек оттолкнул копыя в сторону и проскочил между охраной. Забежав в воду, он схватил Бонуса за вышитую шелковую жилетку.

Вдруг трибун почувствовал, что потерял опору под ногами. Одним рывком его выдернули из морских волн, а в следующее мгновение голова уже оказалась под водой. У него перехватило дыхание. И тут его снова вытащили наверх.

Рот и глаза заливала морская вода. Перед затуманенным взором появилось лицо седовласого.

— Еще раз притронешься к «Висундуру», и рыбы будут откладывать икру в твоих глазницах. — Голос чужака был всего лишь шепотом, его греческий язык звучал странно, ломано, но слова были вполне понятны.

Чужак сказал что-то еще, но в ушах Бонуса шумела вода, а в голове бушевала ярость. Он ладонью ударил седобородого прямо в лицо и моментально снова очутился под водой. На этот раз противник прижал колено к его груди, и Бонус осознал, что ему уже не вырваться на поверхность. Напрасно он старался освободиться, с таким же успехом он мог пытаться сдвинуть в сторону Этну...

Его снова вытащили на поверхность. Наглотавшись воды, он зашелся кашлем. Крепкие руки все еще держали его за одежду.

«Где же люди Гисульфа?» — мелькнуло в голове.

— Чего ты хочешь? — прохрипел Бонус в надежде выиграть время, и соль в желудке вызвала сильную рвоту.

— Отпусти мою команду! — услышал он.

Літературно-художнє видання

ГУЗМАНН Дірк
Льодові пірати
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *І. О. Назаренко*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Г. Фадєєва*

Підписано до друку 14.11.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Adonis». Ум. друк. арк. 20,16. Наклад 5000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля».
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ГУЗМАНН Дирк
Ледовые пираты
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *И. А. Назаренко*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Г. Фадеева*

Подписано в печать 14.11.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Adonis». Усл. печ. л. 20,16. Тираж 5000 экз. Зак. № .

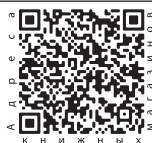
Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков
тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев
тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса
тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Вікінг Альрік та його побратими — «льодові пірати». Усе життя вони займаються тим, що перевозять величезні крижані брили з вулкана Етні до Адріатики. Слава про Альріка та його команду мчить світом швидше за дракар, що летить хвилями. Про «льодових піратів» дізнався венеціанський дож, який шукав тих, хто виконає нелегке завдання — доправити до Венеції мощі святого Марка, одного з чотирьох євангелістів. Хоробрі вікінги вирушають у ризиковану подорож. Але те, що чекає на них в олександрійській скарбниці, небезпечніше за все, із чим їм будь-коли доводилося стикнутися. Вони навіть не здогадуються, з якою таємницею пов'язані древні мощі святого...

Гузманн Д.

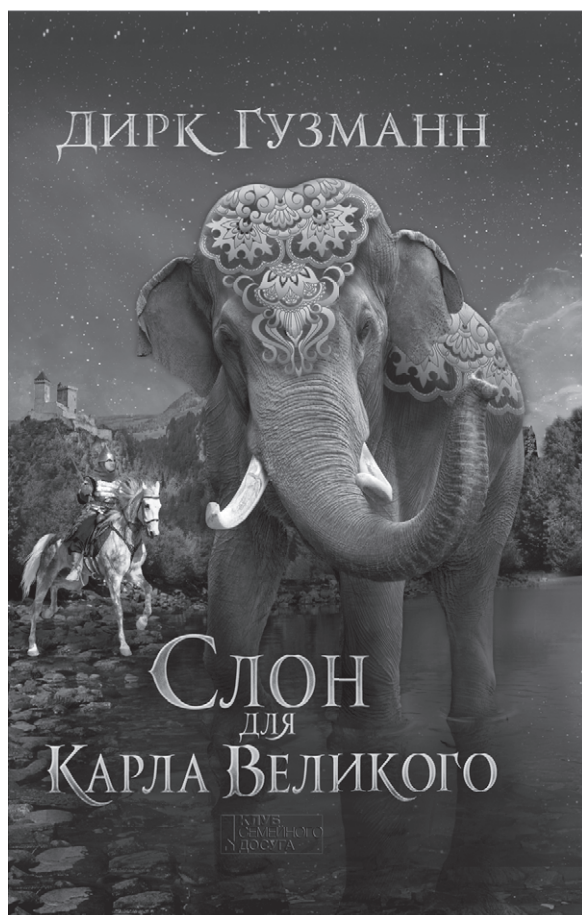
Г93 Ледовые пираты : роман / Дирк Гузманн ; пер. с нем. И. Немичева. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 384 с.

ISBN 978-617-12-4193-0

ISBN 978-3-404-17541-3 (нем.)

Викинг Альрик и его собратья — «ледовые пираты». Всю жизнь они занимаются тем, что перевозят огромные глыбы льда из вулкана Этны в Адриатику. Слава об Альрике и его команде мчится по свету быстрее, чем летящий по волнам драккар. О «ледовых пиратах» узнал венецианский дож, искавший тех, кто выполнит непростую задачу — доставит в Венецию мощи святого Марка, одного из четырех евангелистов. Храбрые викинги пускаются в рискованное приключение. Но то, что ожидает их в александрийской сокровищнице, опаснее всего, с чем они когда-либо сталкивались. Они даже не догадывались, с какой тайной связаны древние мощи святого...

УДК 821.112.2
ББК 84(4Нем)

Великий правитель Востока Гарун ар-Рашид в знак дружбы отправляет императору Западу в дар диковинного зверя. Исаак, ловкий и умный посланник, должен доставить подарок своему повелителю — Карлу Великому. Процессия во главе со слоном торжественно вступает в Павию, но... императора там уже нет. Исаак случайно узнает, что новорожденному внуку Карла грозит гибель. Ребенка чудом удается спасти. Вместе с огромным животным, верным слугой и малышом посланец отправляется вслед за императором, а враги идут за ними по пятам. Но Исаак не собирается сдаваться. Ведь за высокими монастырскими стенами его ждет возлюбленная, которой он пообещал вернуться...